

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы «ленивы и нелюбопытны» в отношении своего прошлого и настоящего. Некоторое понимание и интерес к событиям, к отвлеченным процессам постепенно вырабатывается в еврейской общественной мысли. Но интереса к живым людям, к творцам и участникам этих процессов — у нас нет. Может быть, в этом сказалось традиционное еврейское отталкивание от всякого телесного воплощения образов, от живописи и скульптуры. Может быть, наша общественная мысль, воспитанная на несколько вульгаризированном «историческом материализме», лишена вкуса к поставленной Н. К. Михайловским проблеме «героев и толпы», чужда понимания роли героев и героического в истории, которую так ярко осветил Карлейль.

Все персонально-героическое в еврейской истории и жизни как-то заброшено, оставлено без внимания. Крупные, незабываемо яркие фигуры с геллертерской скрупулезностью «вставляются в рамку исторического процесса», обесцвечиваются и обезличиваются. И в нашей исторической,

политической и биографической литературе до обидного мало места уделяется тем немногим героическим фигурам нашего недавнего вчера, жизнь которых волнующе своеобразна, исполнена великих дерзаний и достижений, насыщена бурной сменой событий.

Иосиф Трумпельдор — один из этих немногих. В пятнадцать лет своей взрослой жизни (1904—1920) он уложил необычайно богатое, способное заполнить десятки жизней, содержание. Внешне это содержание пестро и изменчиво. Солдат русской армии, творящий чудеса храбрости в войне с Японией во славу русского оружия; лагерный культуртрегер, «безрукий учитель» десятитысячной многоплеменной «кобылки» в японском плену; типичный еврейский экстерн, шестнадцать часов в сутки просиживающий за книгой, чтобы получить «аттестат зрелости», потом жадный до знания студент, на письменном столе которого не переводится Маркс и Этьен Кабе, Туган-Барановский и Петражицкий; апостол и создатель «трудовых коммун» для Палестины, сам уходящий в качестве простого рабочего и землепашца в Палестину; потом вдруг один из творцов еврейского легиона в Галлиполи, блестящий капитан английской службы; один из организаторов еврейской самообороны во время Иерусалимского погрома; вновь рабо-

чий, инициатор создания палестинского рабочего объединения «Histadrut», преодолевший партийную распрю во имя общих интересов трудовой Палестины; создатель организации «Гехолуц»; наконец, герой и жертва Тель-Хай, погибший с оружием в руках при защите родной земли.

Многоликим рисуется Трумпельдор в этом беглом конспекте пятнадцати лет борьбы и творчества. Но есть глубокое внутреннее единство в этой внешней пестроте. Это тот героический порыв, романтический оттенок, каким проникнут весь облик этого привлекательного человека. Он — боец. Его неудержимо тянет к борьбе, к опасностям, к новым, непротоптанным путям. В нем бурлят большие, неиспользованные силы. Он проникнут неукротимой жадой творчества. И он всегда, во всем тот же. Он берется за самое трудное, самое опасное. И он отдает себя всего тому, чем увлечен сегодня. В каждый данный момент он — homo unius rei, человек одного дела. В этом был секрет его почти деспотического обаяния, его магического влияния на мысль и чувство окружающих. Ибо этот драгоценный дар сосредоточения на одном пункте присущ совсем немногим. И он гипнотизирует, подчиняет людей.

Трумпельдор обладал этим даром в высокой степени. В своеобразном синтезе сочетался в

нем героизм войны и мира, меча и труда. Он в равной мере был творцом и вождем в огне сражений и в идиллической атмосфере плуга и серпа. Покорный зову необходимости, он легко и внутренне свободно сменял рабочую блузу на солдатский мундир. Он был самим собой и в том и в другом одеянии и не знал искусственного, надуманного противоречия между жертвой кровью и жертвой потом. И в качестве живого олицетворения этого воплощенного в нем символа создан его памяти «легион труда» — милитаристическая трудовая организация, хранящая его заветы. До сих пор неумолчно звучит в стране «гимн Трумпельдора», рассказывающий, как «в Галилее, в Тель-Хай пал герой Иосиф»; до сих пор паломничают в день его смерти, 11 адара, на его могилу ученики и друзья. Вокруг его имени и образа непрерывно ткется волнующая героическая легенда любви и преклонения, и нерукотворным знаменем реет его облик над всей молодой трудящейся Палестиной.

Биографию Трумпельдора нужно знать. Обидно и грешно, что до сих пор она не написана, не вошла настольной книгой в каждую еврейскую библиотеку. Наше юношество лишено неисчерпаемого источника чистых и возвышенных впечатлений, героического примера подражания, вдохновляющего и волнующего, рождающего луч-

шие порывы, любовь к народу, волю к борьбе и жертве.

Такая биография еще не написана. Предлагаемая книга только зародыш этой биографии. Она не окончена и обрывается на самой, быть может, многообещающей и важной странице жизни Трумпельдора — зрелого мужа. Она написана не профессионалом-писателем, не художником слова. Отдельные моменты освещены непропорционально подробно, другие словно ступены. Но эта биография имеет свою совершенно особенную ценность: она написана человеком, 15 лет почти неотлучно проведенным вместе с Трумпельдором, его близким другом, делившим с ним горе и радость, проделавшим бок о бок с ним почти все этапы этого пятнадцатилетия.

Давида Белоцерковского ныне уже тоже нет в живых. Он умер на своем посту в 1922 году, 42-х лет. Жизнь его долго была неразрывно сплетена с жизнью Трумпельдора.

Давид Белоцерковский родился 28 июня 1880 года в м. Смеле, Киевской губ. Начальное образование он получил в хедере, потом в городской школе. Еще юношей он вступает в сионистскую организацию. На 21-м году Белоцерковского призвали на военную службу; здесь, на маневрах, он знакомится с Трумпельдором; с тех пор они

неразлучны. Вместе попадают они в 1904 в Порт-Артур, разделяют потом тяготы плена, обучают грамоте 10 000 военнопленных разных национальностей. Здесь зарождается у них идея создать в Палестине еврейскую стражу — типа позднейшей организации «Hасchomer». Вернувшись в Россию, они обращаются с этим проектом к М. Усышкину, но он резко отклоняет его. Обезкураженные, друзья откладывают свою поездку в Палестину и решают закончить свое образование. Вместе ведут полуголодное «экстерническое» существование, обедают за 5—6 копеек, занимаются днем и ночью. Наконец, оба сдают экзамен на аттестат зрелости. Трумпельдор поступает на юридический факультет, Белоцерковский — в сельско-хозяйственный институт. Оба много работают в сионистской организации; Белоцерковский избирается секретарем Палестинской комиссии в Петербурге. В 1914 г. он сдает выпускные экзамены в институте; остается лишь представить дипломную работу. Темой для нея он избирает: «Палестинские колонии». Но его не удовлетворяет книжный материал, и он уезжает в Палестину, чтобы изучить вопрос на месте. Но вспыхивает мировая война, и Белоцерковский, вместе с тысячами других, вынужден покинуть страну. Он попадает в Египет. Здесь Белоцерковский, вместе с Трумпельдором,

образует инициативное ядро еврейского легиона, являясь одним из первых легионеров. Вскоре, однако, он расходится с Трумпельдором во взглядах и выходит из легиона; в Галлипольской компании он участия не принимает. В 1915 г. Белоцерковскому удается вернуться в Россию. Болезнь легких вынуждает его поселиться в Крыму. Здесь он развивает разностороннюю и энергичную сионистскую работу, организовывает группы, избирается в Городскую Думу, в общину, создает народный клуб имени Герцля, еврейскую детскую площадку, работает для библиотеки и школы, составляет общинный устав. В 1919 году избирается в члены сионистского центрального комитета Таврии. В Симферополе он создает первое в Крыму палестинское эмиграционное бюро, подготавливает к отправке партии «халуцим».

В 1920 г. Белоцерковский сам уезжает в Палестину. Приезжает он вскоре после драмы в Тель-Хай и гибели Трумпельдора. Встретившая его первая группа отряда Трумпельдора просит его взять на себя составление биографии последнего: никто лучше его не знает жизни покойного вождя. Но Белоцерковский колеблется, — он недостаточно владеет еврейским языком; в конце концов он уступает настояниям товарищей, переезжает в Тивериаду и начинает работать над биографией.

Дни его, однако, сочтены. Случайно схваченная простуда ускоряет давний легочный процесс. Несмотря на болезнь и температуру, он еще в постели продолжает работу. Смерть оборвала его на той странице, которой заканчивается эта книга. Умер Давид Белоцерковский в канун Пасхи 1922 года.

И лучшим памятником для этого, так рано сошедшего в могилу, деятеля явится опубликование его воспоминаний о своем друге и учителе — Мосифе Трумпельдоре.

И. Шехтман.

Канун Пасхи
1924 г.